

Корою
Черной
Бабочки

SHIGURE TOU

Shigure Tou

Кокон черной бабочки

«Издательские решения»

Tou S.

Кокон черной бабочки / S. Tou — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938346-4

Не герой. Не злодей. Скорее, жертва обстоятельств. Салазард Де Круэлвей, четвёртый сын знаменитого имперского учёного, становится соучастником невероятных событий и трагичных переворотов. Жизнь заставляет его рано принять ответственность за собственное будущее. Удастся ли ему сделать его безоблачным?

ISBN 978-5-44-938346-4

© Tou S.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кокон черной бабочки

Shigure Tou

© Shigure Tou, 2018

ISBN 978-5-4493-8346-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

– Кажется, это мой последний приличный ужин, – скрежет ножа по фарфору ненадолго заглушил тиканье фамильных настенных часов. Чарльз Гест придирчиво оглядывал кусочек остывшей свинины, наса-женной на вилку. Мужчина не испытывал голода.

– Ты не должен был соглашаться на эту авантюру, – голос исходил из маленького зеркала в мощной оправе, утыканной разного размера кнопками.

– Боже, Роза, – мужчина скрыл легкую улыбку и всё-таки снял с вилки кусочек мяса, неспешно его прожёвывая. Желудок с неохотой принимал питательные дары. – Ни на кого менее значительного они бы и не посмотрели.

– Это самоубийство, – голосу из зеркала мешали редкие помехи. – Время ещё есть, нужно отменить операцию. Особняк пуст, ты сможешь спрятаться.

– Оставить имперцев с пустыми руками? Звучит заманчиво. (Мясо до сих пор не провалилось в желудок). Но вряд ли мы можем на это пойти. Чудес не бывает, моё самопожертвование поможет привлечь новых оппозиционеров. ЭкзМерио – наше любимое детище, смысл моего существования. Я не могу предать наше сообщество.

На верхних этажах роскошного особняка раздался еле различимый шум. Сердце Геста пропустило удар. Он выронил вилку и резко обернулся, выжидая новых шорохов. По виску мужчины скатилась капля пота. Тишина рождала страшные картины в его сознании. Особняк затих, и лишенный титула маркиз вернулся к ужину.

– Всё в порядке? – скрипело зеркало.

– Роза, боюсь, нам не дадут по-человечески попрощаться, – мужчина промокнул салфеткой губы, после небрежно обронив оную на пол. – Я бы очень хотел тебя увидеть.

– Чарльз, тебе не обязательно это делать. Мы найдем другой путь, – помехи практически глушили голос. – Чарльз?

– Они начинают глушить сигнал, – экс-маркиз вздохнул. Печальная улыбка добавляла ему странного шарма. – Я люблю тебя, Роза, пожалуйста, не нужно меня спасать.

– Чарльз?! Чарльз!

Связь прервалась. Зеркало замолкло. Вне особняка поднимался шум. Мужчина поправил манжету белоснежной рубашки и резко схватил нож. Лезвие безжалостно вошло в коммуникационный механизм.

Ожидаемых гостей он решил встретить стоя. Стул скрипнул, Чарльз по привычке задвинул его обратно, погладив лакированную деревянную спинку.

Имперские солдаты ворвались в особняк. Чарльз не был готов к смерти, хоть и держался при разговоре с Розой. Сражаться не имело смысла. Он поднял руки, когда свет многочисленных фонарей заставил его ослепнуть. Имперская армия взвела оружие.

– Как вас много, – нервный смешок потонул в шуме топота ног.

– Назовите своё имя и титул! – Чарльз не мог рассмотреть лица говорившего, зато оценил поставленный командный голос.

– Чарльз Гест, титула не имею, – враждебно настроенные вояки окружали его фигуру, опасно оглядываясь на предмет заранее подготовленных ловушек. – Я здесь один.

Ответа не последовало. Никто не поверит террористу на слово. Судя по звукам тяжелой поступи, несколько микроотрядов отправились на разведку.

Экс-маркиз терпеливо ожидал своей участи, чувствуя подступающую от страха тошноту. Обязанности продержаться и исполнить свой долг сейчас казались неуместными, неправильными. Он чувствовал собственный пульс и мечтал выжить.

Наконец-то, один из группы захвата сделал шаг в его сторону. Крепкий, высокий, со странной подпрыгивающей походкой. Прищурившись, он пристально разглядывал добычу.

– Почему кто-то из верхушки оппозиции решил сдать? – Чарльз видел, как сжимается кулак солдата, как напрягаются мышцы шеи.

– Об этом я буду говорить только с твоим начальством, – опасаясь удара, Гест переступил с ноги на ногу, ощутив при этом, как рубашка прилипает к взмокшей спине. Он видел, глаза вояки сузились, знал, что тот сдерживается, дабы не размазать его по стенке.

– Чарльз Гест, Вы обвиняетесь в шпионаже, терроризме и прочих нарушениях законов Империи и церкви, – формальные фразы давали понять: Гест будет жить, по меньшей мере, ещё несколько дней.

Военный с чрезмерным рвением заломил его руки за спину, сковывая запястья железными браслетами.

– Тебя казнят, – процедил сквозь зубы служивый.

– Очень на это надеюсь.

Связь оборвалась. Женщина с обвисшей кожей обнажила неполный ряд зубов. Её инвалидная коляска начала подрагивать. Ослабленные, тонкие руки с трудом проворачивали железные колеса.

– Госпожа Роза, позвольте помочь? – леди с чрезмерно длинной шеей обошла коляску и взялась за ручки. – Вам пора принимать лекарства.

Обе смотрели на затихшее средство связи.

– Он оказался не таким малодушным, – Роза откинулась на тряпичную спинку коляски и поправила длинные седые волосы. – Нужно подготовить заявление для ЭкзМерио. Имя Чарльза станет новым символом борьбы.

– Разве в этом суть его поступка? – леди крепче схватилась за ручки и повезла свою госпожу прочь из комнаты. – Мне кажется, даже если бы Вы раскрыли пред ним все карты, он согласился бы на самопожертвование.

Алый, увешанный абстрактными картинами коридор казался бесконечным, но леди с легкостью нашла необходимый поворот.

– Дурочка, зачем же мне лишать юношу его благородства? Ты ведь была в церкви? – скосила взгляд седая. – Видела, как люди поклоняются мощам святых, якобы нетленных? Видела, с каким благоговением они рассматривают останки людей, которых в жизни-то и не видели? А ведь поклоняться останкам запрещает их любимая книга. Да-да, та самая Библия. Понимаешь, к чему я клоню?

– Не совсем, – леди вкатила коляску в огромную спальню своей госпожи, взглядом отыскав таблетки на прикроватной тумбочке.

– Церковь сформировала культ святых и теперь всячески охраняет этот миф, набивая цену собственным байкам. Церковь запрещает развитие большинства научных отраслей, объясняя это бездуховностью. На деле, работа учёных заключается в разоблачении этих самых чудес. Чувешь? Они боятся быть обличёнными, поэтому ещё больше врут.

– Замкнутый круг, но я всё равно не понимаю, о чём Вы говорите, – леди подала хозяйке стакан воды и несколько полупроз-рачных капсул.

– Дурочка, – седая приняла лекарства, и, прокашлявшись, продолжила, – мы совершаем создание святого. Вот только врать нам приходится только жертвенному ягненку, а не людям. Каждый из ЭкзМерио будет наблюдать за публичной казнью Чарльза. Каждый услышит его предсмертные слова. Они отложатся в сердцах оппозиции, разожгут их воинственность, поднимут боевой дух.

– И что же Вы собираетесь им сказать? – пустой стакан переко-чевал в руки леди.

– Скажу, что Чарльз был пойман при выполнении задания, – седая посмотрела на помощницу, как на идиотку. – Бесплезная ты машина. Сотри данные за последние полчаса и запусти стандартную программу.

– Как прикажете, – глаза андроида с чрезмерно длинной шеей сверкнули и на пару секунд погасли. Шум процессора затих, чтобы через мгновение заработать с новой силой. Вскоре седая снова к нему прислушается и перестанет замечать.

– Госпожа Роза, Вам пора принимать свои лекарства.

– Откажусь, нас постигла великая трагедия, разошли сообщения всем членам сообщества и отвези меня в главный зал. Люди должны узнать о том, что произошло.

– Что-то ужасное? – могло показаться, что робот испытал беспокойство.

– Поистине, моя дорогая, но мне нужно беречь силы, услышишь всё на общем собрании.

Глава 2

Яркое солнце отражалось от огромного золотого креста, заставляя меня щуриться. Клир затянул очередной псалом. Игумен поднял посох. Люди, скорее по привычке, славили Бога. Типичное воскресенье Сент-Этьена.

Нынешняя литургия отличалась красотой и торжественностью. Один из моих старших братьев заслужил сан диакона. Именно поэтому наше многочисленное семейство находится в первых рядах, сжигая купленные в церковной лавке свечи.

Отец еле заметно хмурится и тут же старается скрыть недовольство, крестясь. Оно и понятно, вряд ли ведущий физик империи смирился с решением своего первенца.

Прихожане превращались в недоваренных раков. Давящая духота не позволяла сконцентрироваться на происходящем. Часть лица под силиконовой накладкой чесалась.

Вздыхнув чуть громче, чем следовало, я получил порицающий взгляд матери и нескольких сестёр.

Можно получить с миллион учёных степеней, изучить все природные явления, понять сущность бытия, но всё равно найдутся люди, по природе своей верующие в существование того, что не поддаётся рациональному объяснению. К таким людям можно отнести преобладающую часть не только нашей коммуны, но и всей Империи. Остальные же либо скрывают своё отношение к происходящему, подстраиваясь под общество, либо мотают срок, либо, ещё не пойманные, примыкают к оппозиции, стараясь добиться только им понятных идеалов.

Меня и, скорее всего, отца можно отнести к тем, кто скрывает. Я не очень хорошо с ним знаком, но не думаю, что учёный всерьёз задумается о существовании высшей силы, которая так усердно запрещает развитие некоторых научных отраслей и философских движений.

Два бородатых иподиакона взяли моего брата под руки и повели к царским воротам, нарасспев произнося нехитрые слова, которые я никогда не старался расслышать. Мне становилось дурно, пришлось опустить голову.

Раздались женские крики. Меня кто-то толкнул. Клирики сорвались со своих мест, разбегаясь в стороны. Брат упал на пол, пытаясь в сторону разбегающихся прихожан. Настоятель храма пал ниц, крича неразборчивую молитву.

В секунды огромный золотой крест объяло голубое пламя. Невообразимо-завораживающее зрелище. Мне даже испугаться толком не удалось.

Краем глаза я заметил отца, что двинулся в сторону пламени. Схватившись за ворот ряссы, он поднял моего перепуганного брата с пола и потащил прочь из церкви. Матушка последовала примеру мужа, подталкивая сестёр и младших детей к выходу.

На долю секунды я встретился взглядом с отцом, но, испугавшись его больше пламени, отвернулся.

Мне и самому стоило поскорее покинуть церковь, но пламя не переходило с креста, да и обдавало скорее холодом, нежели жаром. Бояться нужно было толпы на выходе, нежели этого странного явления, потому я остался на месте, переживая первоначальный шок.

Люди плавно перетекали за пределы храма. Вскоре от толпы в огромном зале остались лишь крохи. Игумен, несколько монахов, я и ещё один прихожанин. Частенько видел его по телевидению, какой-то политический деятель. Вроде, с его семьёй была связана странная легенда. Только вот не могу припомнить какая.

Засунув руки в карманы, он безотрывно наблюдал за пламенем, сводя густые брови к переносице, чем немного меня заинтересовал.

– Молодой человек, Вам пора, – мужчина даже не посмотрел в мою сторону, а я, почему-то испытав смущение, побежал прочь.

На парковке творилась суета. Люди, поддавшись стадному инстинкту, старались поскорее покинуть прилегающие к церкви земли. Я, можно сказать, физически ощущал их страх. Липкий, немного наигранный. Ничего удивительного, пламя больше походило на голограмму, никого не обожгло и не покалечило. Никакого накала страстей, одни домыслы. Однако и их оказалось более чем достаточно для такой суматохи.

Даже при этом беспорядке, я с легкостью нашёл картеж своего семейства. И дело не в статусных машинах или ярком графском гербе. Матушка, подражая императрице-наседке, слишком вульгарно пыталась заботиться о собственных детях. Однако сегодня к ней присоединился и отец. Он о чём-то спорил с перепуганным братом, пытаясь впахнуть одного в машину. Наконец его терпение лопнуло и, получив оплеуху, несостоявшийся монах полез в транспорт.

– Салазард, ну, сколько можно ждать?! Где ты ходишь, когда такое творится?! Совсем не бережёшь сердце матери! – готов поспорить, она вспомнила обо мне только потому, что я появился на горизонте. Наверное, не просто уследить за двенадцатью отпрысками. Судя по её фигуре, вскоре нас может стать тринадцать.

– Прошу прощения, – объяснения были излишними. Матушка уже притворялась плачущей. На секунду я вообще пожалел о том, что покинул церковь. Любопытство прожигало мои мысли. Погасло ли пламя? Да и не походило это на огонь в привычном смысле. Почему сейчас? Что спровоцировало инцидент? А самое главное: как его истолкует церковь, и что грозит брату?

Слуга придерживал дверь авто, предлагая мне наконец-то занять место на заднем сидении. Несколько моих младших братьев, уже во всю шалили, передразнивая друг друга. Они и не обратили внимания на то, что кто-то потревожил их пространство. Скорее всего, они не поняли происходящего, радуясь тому, что их вывели из душного помещения. И правда, можно было бы поставить несколько кондиционеров в столь посещаемое место. Неисповедимы пути господни.

Тяжело вздохнув и подперев голову рукой, я посвятил внимание церкви. Красивый, богато украшенный храм с эффектными крестами на золотых куполах. Самый обычный для нашей местности приход, который я вместе с семейством посещаю каждое воскресенье на протяжении шестнадцати лет. Странное дело, вся эта история дурно пахнет.

Дверь закрылась, и авто двинулось с места.

– У тебя лицо поехало, – смеялся один из младших, тыча в меня пальцем.

– Поехало! – поддерживал его второй, явно гнуся.

Пришлось поправить накладку и распушить волосы, закрыв часть лица.

– Так лучше? – улыбался я им, поражаясь тому, что детишки даже не подумали испугаться или спросить, почему у их брата такое странное лицо. Наверное, просто считают меня уродом.

Ещё в раннем детстве я получил запрет на рассказ истории о происхождении моих увечий, о том, что уже испортило мне жизнь.

Я восьмой ребёнок и четвёртый сын своего отца, графа с богатым наследием. Род Де Круэлвей славился своими выходцами. Мои предки часто занимали высокие посты, становились учёными или политическими деятелями. Только это по мужской части. С женщинами нам не везёт. Многие из прародительниц отметились в истории как умалишённые, предсказательницы и прочие представительницы общественного цирка.

Может это, а, быть может, что-то ещё послужило причиной трагедии моей жизни, но, когда я родился, Селеста, седьмой ребенок, очень меня невзлюбила. Думается, приревновала матушку к новому младенцу, тем более мальчику.

Не знаю, строила ли она козни, прежде чем решилась на подобное, но свои увечья я получил в достаточно нежном возрасте, когда Селеста дождалась отсутствия няни и запу-

стила в комнату собак. Животные разорвали мне лицо, лишили двух пальцев, повредили кожу. Не знаю, как выжил.

Я не помнил произошедшего, да и узнал о нём только из рассказа Селесты, до сих пор косо на меня смотрящей. Конечно, я побежал к маме, пытаясь разоблачить ложь сестры, но получил наистрожайший выговор и запрет на распространение этой истории среди остальных.

Тогда я впервые столкнулся с несправедливостью этого мира. Несколько ночей проплакал в своей комнате, не понимая, почему сестра, пожелавшая мне смерти, осталась безнаказанной, а на меня накричали за правду и даже не пытаются избавиться от уродства. С нынешним уровнем медицины это не так уж и сложно, а с нашим состоянием вполне посильно.

Только в более осознанном возрасте я понял суть их бездействия. Никто не хотел скандала. Обратись они к врачам, история всплыла бы в прессе, опозорила семью. Среди нетитулованных есть много охотливых до таких историй журналистов. Может, именно поэтому за мою жизнь боролся личный семейный врач, о чём я узнал от него на очередном осмотре, ведь смерть младенца также не устраивала отца. А может, родители просто боялись клейма «сумасшедшей» для одной из своих дочерей. Это могло поставить под удар замужество каждой из поколения.

Как бы там не было, пословицу «молчание – золото», они восприняли буквально и на свой, не очень выгодный для меня, лад. Поэтому я всегда ношу скрывающую тело одежду, перчатки и силиконовую накладку на половину лица. Никогда не появляюсь на семейных фотографиях и большую часть времени провожу в своей комнате. Школа и разного рода мероприятия для меня под запретом, отрадой служит домашнее обучение с некоторыми коллегами отца.

Вспоминая эти и другие мало радостные события прошлого, я совсем расстроился и приоткрыл единственный настоящий глаз. Путь до поместья был неблизкий, картеж из шести машин плёлся на зависть улиткам. Казалось, пешком стало бы быстрее, но по статусу не положено.

Не позволяя эмоциям взять над собой верх, я переключился на воспоминания о пылающем кресте. СМИ ещё долго будут обмусоливать эту тему. Скорее всего, она обрастёт легендами и попадёт на всевозможные мистические сайты. Церковь и сама не упустит возможности выдать это за предупреждение людям от Бога, а может и от дьявола. В любом случае, ситуация сомнительная и ни одного учёного не подпустят к этой загадке. Потому что правда не продаётся и, чаще всего, просто не интересна людям.

Если рассуждать логически, то возгорание некоторых химических элементов может подарить взору синее или сине-зелёное пламя. Те же самые углероды: жар их пламени является холодным. Но что послужило причиной возгорания? Да вряд ли были соблюдены все условия получения такой реакции.

Машина замедлила ход, мы подъезжали к поместью. Я приоткрыл окно и выглянул на улицу, получив несказанное удовольствие от легкого, чуть прохладного ветерка. Вот только поджидал наше се-мейство не только он.

У ворот собралась приличная толпа журналистов, разглядывающая гербованные авто. Они наперебой озвучивали свои дурацкие вопросы, не позволяя первой машине проехать. Теперь и тут застрянем. Однако быстро добрались. Не удивлён, ведь это их хлеб.

Засмотревшись на происходящее, я далеко не сразу заметил одного из работников жёлтой прессы, подобравшегося к машине.

– Господин Салазард, Вы ведь были очевидцем случившегося, как прокомментируете это событие? Неужели Бог не принял Вашего брата во служение? – радостно, громче, чем следовало, затараторил усатый журналист. Но когда наши взгляды встретились, побледнел. – Что у Вас с лицом?

Я скрылся в авто, практически отпрыгнув в сторону. Он видел! Видел! Если бы не эта жара!

Стекло авто поднималось слишком медленно, и журналист практически просунул в убывающую щель свою любопытствующую физиономию.

– Господин Де Круэлвей, что с Вами? Расскажите! Это как-то связано с самовозгоранием креста?

Меня будто парализовало. Руки тряслись. Даже вдох давался с трудом. Он меня видел! Помогите...

Отец меня убьет. Совершит то, чего так желает Селеста.

Господи, хоть кто-нибудь!

Послышался глухой удар. Тот самый слуга, что ранее придерживал для меня дверь, без тени сожаления заставил журналиста пригнуться к земле. Последний закашлялся и, получив новый удар, вовсе слег.

– Господа Де Круэлвей очень устали и не намерены комментировать происходящее, дождитесь официального заявления главы семейства.

Тонированное стекло наконец-то скрыло нас от наружности.

Я схватился за лицо, ощупывая накладку, пытаюсь разглядеть в стекле собственный облик. Паника не отступала. Мне нужно в свою комнату. Нужно всё поправить, пока отец или кто-то ещё не увидели моего уродства.

Мы снова двинулись. Видимо слуги взяли всё в свои руки и отогнали надоедливых журналистов. Вскоре весь картеж оказался в пределах поместья.

Я никак не мог успокоиться, поэтому стоило машине остановиться, самостоятельно раскрыл дверь и, придерживая накладку, сломя голову побежал в особняк. Никто из слуг не стал меня останавливать.

Не споткнувшись, я практически залетел в свои покои, незамедлительно направившись в ванную. Зеркало показало удручающую картину. Светлые, как практически у всего нашего семейства, волосы растрёпаны, накладку почти отвалилась, демонстрируя вспухшие алые и белесые шрамы с пустой глазницей.

Я уже представлял, как какая-нибудь газетёнка размещает на первой полосе сенсацию о четвёртом сыне нашей династии, и расплакался. Да так горько и громко, что стал противен самому себе.

Что же делать? Сразу рассказать отцу? Хотя сейчас родители заняты куда более важным скандалом. Всё-таки эти падальщики прибыли слишком быстро. Как будто кто-то заранее дал им наводку.

Я даже успокоился от осознания собственной догадки. Моего брата подставили. И я уверен, что ни один детектив не будет в этом разбираться, так как замешана церковь. Она не допустит опровержения чуда, а значит, брата отлучат от церкви, а моя семья попадёт в немилость. Никто не захочет иметь дел с родителями приспешника дьявола.

Не могут же взрослые не замечать таких очевидных вещей? Не могла наша вера запудрить мозги всему миру!

Стянув перчатки и кардиган, я умылся и, стараясь не смотреть в зеркало, прошёл в комнату. Включил телевизор. Экстренные выпуски новостей наперебой говорили о самовозгорании и о причастности моего брата к этому событию. Одна версия была краше другой. Холодок пробежался по спине.

Видимо, взрослые и, правда, не хотят видеть очевидного.

Глава 3

К сожалению, а быть может, к счастью, но я до жути поверхностный человек. У меня нет каких-то глубинных эмоций, я не люблю раз-мышлять на бесполезные темы. Если что-то всё-таки затрагивает струны моей души, то тут же выплёскивается наружу неуклюжими реакциями. Но это происходит достаточно редко, по большей части люди могут наблюдать лишь моё безэмоциональное лицо. Каждый из семейства трактует его по-своему.

Матушке кажется, что я над ней смеюсь. Её домыслы частенько доставляют мне проблем, так что приходится учиться подражать неко-торым элементарным эмоциям. Радости подарку или волнению по поводу какой-либо незначительной новости. Достаточно проблема-тично. Мне было хотелось более не притворяться, но обрыв и без того малого числа социальных контактов – не лучшая затея.

Со дня инцидента отец приказал всем своим детям не покидать особняк без особого разрешения. Маска безразличия таяла, я всё чаще мог угадать его настроение. Будь то грусть или радость. Второе можно было наблюдать куда реже.

Также он завёл, как мне показалось, странную традицию – ужинать за общим столом. Попытки матери хоть как-то разнообразить такие посиделки разговорами терпели крушение, словно самодельный плот в пучинах бушующего океана. Изредка ей помогала одна из дочерей, но и та довольно быстро затихала, чувствуя неловкость.

Не могу их винить. Даже такие нелепые попытки смотрелись куда лучше, чем безмолвный ужин, где домочадцы даже не смотрят друг на друга. Хотя и это не совсем верно. Несколько раз я замечал на себе взгляд отца, но, не подавая виду, продолжал есть.

Наиболее сконфуженным мне казался старший брат. Учитывая принадлежность к знатному роду, полиция предложила наименьшее из зол: домашний арест до выяснения всех обстоятельств.

Интересно взглянуть на то, как происходит подобное расследование. Сидят, значит, несколько полицейских и допрашивают настоятеля храма о том, что произошло. А он им падает в ноги и уверяет, что это было чудо или предупреждение. Полицейские его слушают, да кивают, а после разводят руками, говоря – так всё и было. Настоятель человек веры, а значит, врать не может.

Смех да и только. По-моему, люди немного заигрались, принимая на веру происходящее. Не удивлюсь, если через пару лет появятся индивиды, говорящие о том, что земля плоская. Всё. В тот момент человечество начнёт свой отсчёт к уничтожению. Не может подобная деградация не являться тревожным звоночком.

Слуги разнесли аперитив. Суп не показался мне аппетитным. Не понимаю я этих супов-пюре. По-моему, такое должны готовить для тех, кто более не в состоянии пережевать кусочек овоща или мяса. Это еда не для здоровых людей, способных понять вкус того или иного ингредиента.

Семейство застучало ложками. Как некультурно. Я и сам приступил к трапезе, развлекая себя игрой «сделай это бесшумно».

– Ах, знаете, – затынула матушка, – сегодня мне повезло отобедать с госпожой Люлли, нашей соседкой. Она так искренне переживает о случившемся.

Брат, подозреваемый в сговоре с дьяволом, многозначительно посмотрел на мать. Не будь она столь толстокожей, замолчала б.

– И не нужно на меня так смотреть, мы люди публичные, обязаны посещать некоторые мероприятия. Не всем же быть затворниками. Так вот, о чём это я. У неё выросла такая престелстная дочь. Как только всё утихнет, можно будет посвататься.

– Мама...

– Что? Не обязательно же получать сан чёрного духовенства? Обойдешься белым и будешь при жене.

– Мама!

– Что мама? У меня опыта поболее будет, так что прислушайся к тому, что я тебе говорю. Я тебе добра желаю.

Отец молча следил за происходящим, с какой-то надеждой смотря на Дениса. Скорее всего, рассчитывал на то, что тот сможет дать матери отпор. Разговоры о женитьбе да замужестве раздражали добрую часть семейства, особенно сейчас, когда над фамильным гербом сгущаются тучи.

– Агнес, сейчас на время. – глава семейства стал мрачнее тучи. – Поговорим об этом после.

– Как скажешь дорогой, но затягивать всё же не стоит, девочки могут прослыть старыми девами. – казалось, что её уже ничего не могло остановить. Но слуга внёс в столовую разрывающийся от трели телефон.

Аппарат с мраморной отделкой подрагивал на красной бархатной подушке. Отец никогда не пропускал звонки, и нынешний не был исключением.

Он промокнул губы салфеткой и поднялся из-за стола, только после сняв трубку. Кто же там такой настырный, раз дожидался, пока отец проведёт необходимый ритуал?

В жизни аристократии, или как сейчас принято называть дворянства всё приходится делать медленно. Будто медлительность может придать изысканности такому простому занятию как разговор по телефону.

Не к столу я представил, как дворянин посещает туалет, и тихо усмехнулся. Селеста, ужинавшая напротив меня, приняла этот смешок на свой счёт и нахмурилась, но я уже не мог унять разбушевавшуюся фантазию, чувствуя, как краснею от сдерживаемого смеха. Ох, она мне это припомнит.

– Заканчивайте без меня, – отец наконец-то завершил разговор и теперь раздавал распоряжения слуге. До меня донеслись обрывки некоторых фраз: «поем у себя», «сопроводите гостя» ... – всё это помогло мне составить некоторую картину.

Скорее всего, отцу позвонил один из его коллег. Дело срочное, раз тот решил незамедлительно приехать в наше поместье. Интересно.

Меня всегда немного обижало, что отец пытался посвятить в нюансы профессии только старшего сына, обходя остальных детей стороной. Как будто мы ни на что не годные мартышки. С другой стороны, не припомню, чтобы кто-то из нас проявлял интерес к его занятию. Может самое время? Всё, что я прочёл в семейной библиотеке, пора было изучать на практике. Может быть, если бы я не был уродом, то смог бы подойти к отцу с этой просьбой. При нынешнем положении вещей, это невозможно. Жутко даже представить, что он может мне на это ответить. А то и вовсе удостоит лишь взглядом. Ещё неизвестно что хуже.

– Раз отец ушёл, может, мы поужинаем как обычно? – Выказала робкую надежду старшая из сестёр, Одэт.

– Нет, – матушка ответила даже слишком резко, но после спохватилась и снова натянула на лицо свою фирменную, чуть глуповатую улыбку. – Я хотела сказать, что не стоит, мы же стараемся не только ради отца.

Что-то в этом простом диалоге показалось мне странным. Кажется, я недооценивал собственную мать. А может, просто не понимаю всех нюансов происходящего.

Дальнейший ужин проходил в тишине, прерываемой редкими замечаниями матери о талантливости наших поваров. И правда, настоящих живых мастеров может себе позволить далеко не каждая семья. Порой не все титулованные способны на такие траты, заменяя прислугу роботами.

Запершись в комнате, после нескольких бездумных часов в сети я понял, что могу и сам разобраться в произошедшем. Спровоцировать настоящее расследование, вложить в головы людей простую истину – думать нужно самостоятельно. А этим возможно заслужить уважение отца. Вот только не много ли я на себя беру?

Новостная лента поисковых ресурсов пестрила всевозможными репортажами о самовозгорании. Многие учёные и теологи участвовали в наигранных дебатах, обсасывая случившееся. Все эти ролики объе-диняло одно – никто не приводил реальных фактов и не выдвигал сторонних теорий. Все сходились во мнении о чуде и предпочитали спорить о том, что же оно значило, а не о том, как произошло. Кто-то даже успел написать книгу по этому поводу, не скупясь на рекламу. Вот ведь пройдохи.

Бирюзовое или голубое пламя может быть не чем иным, как горением сульфата меди. Это соединение можно найти в арсенале любого садовода. Им уничтожают корневые системы деревьев. Скорее всего, оно присутствует и у нашего садовника. Можно пойти проверить. Но это может вызвать ненужные вопросы. Да и для того чтобы получить такую чистую реакцию, компонент должен быть в порошковом состоянии.

Я откинулся на спинку огромного кресла, которое называл тронem, и скосил взгляд в сторону окна. Сгущавшиеся сумерки готовились передать бразды правления ночи. Матери всего необычного. Необычного, да?

Необходимый порошок можно найти в любом наборе юного химика или приобрести в специализированном магазине. Наверняка такой найдётся и в арсенале отца, но к нему в лабораторию я спускаться не буду. В общем, получить данный реагент не самая большая проблема.

То, что у чуда есть вполне реальное объяснение, даже не обсуждается. Не случилось ещё того, что способно заставить меня уверовать. Но остаётся ещё один момент: кто поджигатель. Рядом с крестом находился разве что настоятель, да и у того руки были заняты. Может, там был какой-то механизм? Вряд ли.

Я вскочил со своего места и распахнул окно, подставляя прохладному ветерку лицо. Дневная духота постепенно сходила на нет, температура воздуха падала. Выключите уже лето, надоело зависеть от систем климат-контроля.

Младшим всё нипочём. Они плевали на запрет отца и днями напролет возились в саду. Лазя по деревьям, поджигали лупой муравь-ев. Лупа!

Яркий свет солнца проходил через стекло и отражался от креста. Стекло лупа. В храмах используют золото довольно высокой пробы, а значит температура его плавления в разы ниже. Что если солнце подожгло порошок? Что если кто-то обмазал крест сульфатом меди ещё ночью, ожидая возгорания?

Затея рискованная, могло и не сработать. Но пока это самая реальная догадка на счет самовозгорания. Как бы мне её проверить?

Отец отрезал пути наружу, к нему в лабораторию я не пойду ни под каким предлогом. Никто из братьев или сестёр не согласится мне помочь. Я даже не смогу самолично выступить с догадкой, даже если удастся доказать всё опытным путем. Я родной брат подозреваемого, да и личиком для камеры не вышел.

От стольких догадок голова шла кругом. Энергия была ключом, хотелось незамедлительно действовать. Проверить всё и вся, но часы пробили полночь. Ни солнца, ни лупы, ни порошка. Остаётся только кусать локти.

Кто-то постучал в дверь.

– Минутку, – как же не хочется снова её надевать.

Взгляд упал на лоскут силикона в специальном контейнере, но, пообещав самому себе то, что это всего на пару минут, позволил нео-жиданному гостю войти в покои.

– Господин Салазард, Вам что-нибудь нужно?

– Ох, Джакоб, напугал, – высокий истинный ариец один из немногих, кого я мог назвать другом. Хотя для него я, скорее всего, не более чем сын его работодателя. – Всё в порядке, просто кое о чём размышляю.

Я смотрел на него. Он на меня. Вот только я не понимал причину такого пристального взгляда с его стороны.

– Может, это у тебя что-то случилось? – почему он не уходит?

– Нет. – и снова стоит. Это шутка какая-то? Не понимаю.

– Знаешь, вообще-то мне и правда кое-что нужно. Сможешь купить где-нибудь сульфат меди? – попытка не пытка. Главное, чтобы не доложил отцу.

– Такой имеется в лаборатории старшего господина Де Круэлвей.

– Мне нужен свой, – всё-таки не стоило его об этом просить.

– Это всё? – ариец был серьёзен. Хотя я вообще никогда не видел его расслабленным или улыбающимся. Тяжёлый, но прямой как рельса человек.

– Э, да, – такое ощущение что я и сам не уверен. – Постарайся, принести мне его к завтраку.

– Как прикажете, настоятельно рекомендую Вам отойти ко сну.

– Да, конечно, пока, – дверь закрылась перед самым носом слуги. Что это на него нашло? Станный человек. Может, он всё-таки хотел о чём-то со мной поговорить, но так и не решился завести тему? Кто его знает. Странно, что я теперь испытываю вину, за то, что не позволил ему чего-либо. Может, смогу искупить свой эгоистичный поступок завтра?

Ах, завтра! Завтра меня ждут великие дела. Не хочется сомневаться, надеюсь, всё получится.

Глава 4

Сон, словно пугливый мышонок, убежал от меня при каждом шорохе или неловком повороте. Я никак не мог успокоиться. Возможность проведения эксперимента не шла из головы. К утру мои размышления приняли совершенно абсурдную позицию, и я уже не мог понять, с чего всё начиналось.

Часы показывали начало шестого утра. Можно было бы ещё поваляться и попробовать подремать, но я подозревал, что уснуть мне сегодня не светит, поэтому, лучше проведу это время с пользой.

По привычке я старался не смотреть на лакированные поверхности, в которых мог различить собственное отражение. Как-то раз я задался вопросом: а почему я не злюсь на сестру за реальную попытку убийства? Ответ оказался простым, но подходящим только мне. Потому что не помню. Я не помню, как был нормальным, не помню, как получил травмы, не помню той боли. События прошлого, переска-занные сестрой, не пестрили подробностями и не смогли меня напугать. В моей вселенной я всегда был таким. Для меня это норма.

Если бы люди, испокон веков, ходили на руках, никто бы и не подумал о том, что использовать для этого ноги куда удобнее. Нормально – это то, к чему привык, а не то, как принято. Однако умение отстоять свою привычку дело не из приятных. Особенно если она сильно разнится с общепринятыми понятиями.

Дом потихоньку оживал. Я мог слышать, как начинает работать садовник, как слуги стараются бесшумно пройти по коридору. Вставить в такую рань для них нормально, для меня – исключение из правил.

В какой-то из книг я вычитал, что многим раньше, до развала конституционного строя, в мире также царил абсолютизм, и знать составляла сливки общества. Это сословие имело привычку не подниматься раньше полудня, так как ранний подъём мог быть связан только с тяжёлым трудом, а это уже прерогатива слуг.

Книга описывала жизнь дворянства той эпохи и включала в себя огромное количество наискуднейших, абсурдных правил этикета, поведения в целом. Хорошо, что нынешнее время наложило свой отпечаток на формирование нашего класса. Да и слуги теперь далеко не бесправные рабы, а просто нанятые рабочие.

Было в этом утре что-то спокойное. Размеренное течение времени, которого до завтрака оставалось даже слишком много, так что я мог не торопиться с душем или прической. Вёл себя как настоящий аристократ, неспешно совершающий свой туалет. Телевизор или компьютер могли спугнуть эту атмосферу, так что я не решался их включать, предпочтя этим занятиями прогулку до библиотеки.

Слуги приводили дом в порядок и даже как-то испуганно здоро-вались, натываясь на меня в такую рань. Библиотека находилась в отдаленном крыле, за лабораторией и экспериментальным залом отца, куда я мечтал заглянуть хоть одним глазком.

Рука сама потянулась к двери лаборатории, нежно касаясь тёплого, лакированного дерева. Когда-нибудь я обязательно войду в эту дверь и уже не как сын, а как полноправный учёный, и отцу придётся счи-таться с моим существованием.

– Это прорыв! – воскликнул кто-то из-за двери, заставив меня одёрнуть руку.

– Это незаконно! – судя по интонациям, спор только набирал обороты. Любопытство пересилило страх быть пойманным, и я прислу-шался. – В двадцать первом веке люди уже изобретали что-то подоб-ное, и ты сам помнишь, к чему это всё привело.

– Ты не прав! – кто-то пытался переубедить моего отца. Наверное, тот самый друг или коллега, потревоживший его вечером. Так они были в лаборатории всю ночь? – Наше открытие в корне отличается от разработок прошлого.

– Если всплывут хотя бы намёки на такую разработку, казнят не только нас, но и наши семьи. Лучше будет уничтожить проект.

– Нет! Стой! – спорщик замялся. – Давай хотя бы просто его спрячем. Я не прощу себе отказа от работы над подобной технологией.

– Всё-таки хочешь поставить нас под удар? Вряд ли даже нашим внукам удастся такое рассекретить. Что уже говорить о нашем поколении.

– Родриг, я возьму на себя всю вину, позволь себе и дальше работать над этим.

Послышались шаги, от греха подальше я побежал в сторону библиотеки, только после сообразив, что это было нереально громко. Однако за мной никто не погнался, так что авантюру можно было считать успешной.

Сердце колотилось так громко, что я мог чувствовать пульс в висках. Вряд ли мне нужно было становиться слушателем того разговора. Отец разрабатывает что-то секретное, способное погубить несколько дворянских домов. Звучит серьёзно и крайне занимательно.

Неосознанно я пытался припомнить, что же такого было изобретено в двадцать первом веке, о чём могло сожалеть всё человечество. На ум напрашивалось только развитие робототехники, но восстание машин было настолько незначительным, что даже учебники истории упоминали о нём вскользь. Третья мировая? Но она продлилась-то всего два часа, оказавшись наименее кровопролитной за всю мировую историю. Европа и большая часть Азии просто капитулировали перед Россией, примкнув к ней на взаимовыгодных условиях. Даже переход к абсолютной монархии был воспринят скорее как положительный, нежели как отрицательный фактор. Это явно не оружие. Подобные технологии поощряются церковью, Империя не скупится на разного рода военные улучшения.

Может, я просто плохо знаю историю? Если не брать основные вехи, то в нюансах того или иного проекта я действительно могу быть не сведущ.

Вот ведь отец. Это утро так спокойно начиналось. Сказать о том, что это просто не моя проблема я не могу. Похоже, это касается всей моей семьи. Как собственно и инцидент с крестом, на котором мне стоит сконцентрировать своё внимание, раз никто более не хочет в это вникать. С остальным разберёмся позже.

Огромные, в несколько этажей окна библиотеки одеты в плотные шторы, а температура кажется более низкой, нежели в остальном доме. Вереница бесконечных стеллажей выглядит немного пыльной, но от этого только сильнее привлекает к себе внимание. Несколько уютных громоздких кресел окружают резной торшер. Атмосфера располагает к чтению и философским измышлениям.

Я ещё не знаю, что мне нужно прочесть, но всё равно без заминки иду в произвольно выбранном направлении. Здесь собрана самая разнообразная литература. Кто-то из моих предков начал её собирать ещё четыре столетия назад. Так что иногда попадаются довольно странные вещи, которые до дыр зачитывали мои старшие братья.

Это место позволяет мне достичь прозрения. Книги как будто делятся со мной опытом, помогая отыскать решение той или иной проблемы, которых у меня сейчас достаточное количество. Например, если эксперимент с сульфатом меди сработает, как мне преподнести это общественности? Как скрыть при этом собственное я?

По сути, меня никто не допустит вести какое-либо расследование. Да оно мне и не нужно, я же не полицейский и не собираюсь ввязываться в интриги, жертвой которых стал брат. Достаточно подстегнуть людей. Показать, что это никакое не чудо. Однако люди не поверят самому обычному человеку. Даже если я надену маску или просто выложу в сеть результаты эксперимента, это не даст никакого результата. Мои размышления не будут для них авторитетны.

Медленно прохожу полку с книгами о так называемой магии, точнее о разоблачении всевозможных иллюзионистов. В некоторых из них если и не объясняется каждый из фокусов, то

хотя бы рассказы-ваются его история. Что сия мистерия принесла своему изобретателю. В большинстве своём, все они поражали умы простого люда. Фокус-ники были вхожи в дома как бедных, так и богатых граждан. Некоторые из них развлекали монархов.

Мне показалось, что я вот-вот до чего-то додумаюсь. Мысль только начала своё формирование. Боясь её спугнуть, я затаил дыхание. И как же не вовремя взгляд переместился на корешки книг, покоящихся на верхней полке. Иудаизм, каббала, индуизм и прочие религии прошлого.

Неоформившаяся мысль ускользнула с горизонта моего разума, дабы освободить сцену для каравана воспоминаний об умерших религиях. Например, в иудаизме Сатана представлялся не как антипод Богу, а как его верный слуга. Ангел-обвинитель только с позволения Всевышнего творил дела в мире людей, подталкивая оных к различным действиям. Так он проверял силу воли того или иного послушника, соблазняя, предлагая иной путь.

А вот это уже интересно. Ангел, показывающий иной путь для человека и человечества в целом. Солидный, колоритный персонаж, которого могут послушать. Вот бы и мне предстать перед людьми этим самым ангелом, показать несовершенство их рассуждений.

Проще сказать, чем сделать.

Взгляд снова упал на книги о фокусниках, мастеров мистерии.

Я начал набирать заинтересовавшие меня работы, остановившись буквально на мгновение.

О чём я вообще думаю? Это просто не может сработать. Но руки уже оттягивала стопка фолиантов. Осталось пройти со всем этим добром в свою комнату и наконец-то понять, смогу ли я помочь Денису.

Особо чувствительные дамы лишались чувств, наблюдая за тем, как несколько моих пальцев объяло пламя голубоватого цвета. Огонь медленно продвигался вверх по руке, совершенно не нагревая подготовленный заранее тёмный костюм, производя на собравшихся неизгладимое впечатление.

Служба закончилась несколько раньше, чем я рассчитывал. Полуденное солнце раскаляло многочисленные авто и асфальт церковной парковки. Все аристократические сливки нашей коммуны наблюдали за моим эксцентричным представлением. Среди них находилось и моё семейство.

– Он ангел! – воскликнул кто-то из толпы. Никто из них не мог узнать во мне обычного человека. Не могу их в этом винить – подготовленный костюм помогал скрыть личность. Подготовка заняла почти две недели, и, видя эти глуповатые, полные одухотворенного просветления лица, могу с уверенностью заявить: оно того стоило.

– Увы, я не ангел, – пламя перешло на самодельные, пропитанные раствором порошка крылья. – И даже не могу им стать, – беспроводной микрофон искажал голос. Поделка на моей спине резко вспыхнула, в секунды сгорая, теряя форму, очертания.

Люди пятились от столба, на который я с таким трудом забирался ещё с сорок минут назад. На этот раз солнце играло со мной в одной команде, слепя зрителей, не позволяя им взглядеться в мой несовершенный образ.

– Я не божий посланник, и я повторил ваше чудо! – нельзя выходить из образа, а вот после меня, скорее всего, стошнит от страха. – Я обвиняю вас в богохульстве. Вы приписали Богу не чудо, а человеческое творение! Это оскорбительно! – ещё чуть-чуть и я оглохну от собственного голоса.

– Эй, а ну слезай оттуда! – А вот и полиция. Кто-то успел вызвать. Однако и их лица выражали недоумение. Не каждый день увидишь объятого бирюзовым пламенем человека, сидящего на фонарном столбе. – Кто ты такой? Чего хочешь?

– Люди, вас обманули! – сердце пропустило удар. Раз, два, три, и столбы, кусты и даже некоторые деревья объяло голубое пламя. Народ охватила паника. Кто-то побежал прочь от очагов возгорания. Кто-то принялся тушить разноцветное пламя, опасаясь того, что огонь перекинется на транспорт. Полицейские что-то кричали в свои рации. – Это было не чудо!

Я схватился за страховочный трос и практически спрыгнул со столба, тут же ныряя в машину. Джакоб дал по газам, игнорируя все правила дорожного движения. Вскоре, я уже не мог различить место преступления даже сквозь заднее стекло автомобиля.

Обернувшись во влажное полотенце, я окончательно сбил пламя с чёрного костюма, и, решив хоть немного передохнуть, снял резную деревянную маску. Красивая вещица. Странные узоры обрамляли прорези для глаз и рта, длинные рога придавали изделию таинственности. Даже представить не могу, где Джакоб смог её достать.

– Похоже, всё прошло как надо, – я всё ещё дрожал, переваривая собственные решения, но вместе с этим испытывал чувство глубокого удовлетворения.

– Ваша задумка произвела больший эффект, чем я мог представить. От машины придётся избавиться, – практически синие глаза Джакоба Кромбергера сверлили меня через зеркало заднего вида. И я не мог взять в толк: он меня осуждает или гордится. Похоже, что с выражением эмоций у него большие проблемы. Но это не помешало ему стать сообщником. Собственно, я сам допустил эту ошибку, попросив достать мне сульфат меди, а после и ещё несколько странных вещиц. Мужчина просто не мог оставаться в стороне и вынудил меня всё ему рассказать. Признаться, от этого мне стало полегче. Джакоб предложил помощь и внёс в план свои коррективы, способствующие мне ускользнуть с места представления несхваченным. В который раз мне удалось убедиться в том, что он далеко неглупый мужчина, и я всё-таки недооцениваю своих слуг.

– Избавимся, да и никаких опознавательных знаков мы на ней не оставили, не смогут подать в розыск. Кстати, а где это мы? – Кромбергер свернул в какой-то совершенно незнакомый мне квартал, утыканный одноэтажными маленькими, будто кукольными домами с зелеными лужайками перед оными.

– Кварталы рабочего класса, я подумал, что проезд по основным трассам может создать неудобства, – конечно Джакоб был прав.

Потихоньку переодеваясь, я с нескрываемым любопытством разглядывал неведанную ранее местность. И дело было даже не в самих домах, а в людях. Все они улыбались, некоторые плакали, но с первого взгляда можно было с уверенностью сказать, что это слезы счастья. Радостные, все они направлялись вверх по улице. Не торопились, не толкались, просто шли. Честно, мне это показалось странным.

– Сегодня какой-то праздник? – Джакоб ведь тоже из рабочего класса, так что должен быть осведомлён о подобном.

– Я бы так не сказал. – мужчина следил за дорогой. Его маскировка не являла собой ничего кардинального. Повязка на лицо, и тёмный, дешёвый костюм, от которого можно будет без сожалений избавиться. – Несколько недель назад, одна из шахт перешла на абсолютную автоматику и многие из этого района потеряли свою работу.

– И поэтому улыбаются? – кажется, я запутался.

– Улыбаются они тому, что церковь взяла заботу о семьях, потерявших способ пропитания. С момента увольнения они получают материальную помощь и еду от местного прихода. Некоторым оплачивают курсы переквалификации, чтобы они смогли встать на ноги в кратчайшие сроки.

– Вот оно как, – от этих новостей стало как-то не по себе. Гадкий червячок сомнений смог найти мягкое место в моём настроении, прогрызая его слово сочное яблоко. – Получается, я дискредитировал тех, кто защищает людей? – может, поэтому Джакоб смотрит на меня с таким недовольством? Зачем тогда помогал?

– Вы защищали брата, никто не сможет Вас обвинить в этом стремлении.

Дальнейшие разговоры могли и вовсе выбить меня из колеи, так что я затих, молча наблюдая за тем, как люди собираются у местной церкви. Идут не потому что надо, а потому что хотят. Это отличалось от еженощных сборов у нас, где поход в церковь был скорее обязанностью, нежели удовольствием.

Но ведь моя маленькая шалость не даст большого резонанса? Я всего лишь спасал брата и семью от слухов. И не мог принести особого вреда.

Нужно было как-то отвлечься, и я залез в интернет, листая новости в приложении какого-то браузера. Сначала ничего не могло привлечь моего внимания, но через какое-то время я увидел несколько видео с собой в главной роли. Стало так стыдно. Однако узнать меня было невозможно.

Видео имели разномастные названия. Мне понравилось несколько громогласных, особенно одно – Ангел Правды. Не припомню, чтобы меня снимали. Хотя, если бы я так не трясся от страха, то возможно смог бы что-нибудь заметить.

Под видеороликами велись горячие дебаты о том, кто мог так бесстрашно выступить против чуда. Не являюсь ли я посланником Бога, пусть я и утверждал обратное. А главное, люди начали сомневаться в инциденте с самовозгоранием креста.

Обсуждение этой темы оказалось таким обширным, что я не смог сдержать улыбки.

Можно было, наконец-таки, отложить телефон и насладиться собственным деянием, если бы не появившийся пару секунд назад комментарий: «Ангел Правды, развеяй проклятие моей семьи. Я знаю, что оно лживо!»

Я сглотнул. Самые разные суеверия окутывали некоторые семьи нашей Империи. Моё могло просто пополнить список, но возможность вырваться из тени предрассудков всколыхнула достаточно большой пласт.

– Джакоб, а что если семей, таких как моя, много и все ждут чудесного избавления от своих напастей?

– Я думаю, это не Ваше дело.

Мы приехали на место. Густой лес на границе коммуны, показался мне очень тихим. Нужно было избавиться от всего, что могло выдать в нас эдаких разоблачителей.

Взглянув на крайний комментарий, я ощутил странное беспокойство, поэтому забрал из машины маску и костюм, подозревая, что те ещё не раз мне пригодятся.

Глава 5

Солнце не справилось со своей задачей. Прогулочные дворрики тюремного типа для политических преступников оставались ледяными, истязая арестантов холодом. Бетон отказывался прогреваться, и единственным спасением для заключенных стали металлические решётки над головами. Чаще маленькие, будто оконца, до которых было практически невозможно дотянуться. Заключение в подобных колодцах напоминало свободолишённым о том, что теперь они заняли низшую позицию социальной лестницы. И как грома небесного стоит опасаться только тяжелой поступи караульных. Людей, которым платят за надзор и умение ставить особо «привилегированных» на место.

Узники подставляли околевшие части тел под лучи, пробивающиеся через решётку. Таблетка теплоты, сравни плохому обезболивающему, помогала лишь ненадолго, да и скорее напоминала о том, какая пытка нахождение в этой камере.

Чарльз провёл в подобном месте с полмесяца и давно усвоил урок. Он с ненавистью смотрел на падающие сквозь проём лучи, напоминающие о том, как тепло бывает на свободе.

За время его заключения, к нему приходили самые разные следователи, полицейские и даже несколько психологов. Чаще всего они задавали стандартные вопросы, изредка интересуясь причиной его сдачи. И, не получая достоверного ответа, приходили к выводу о том, что его просто выкинули из организации за ненадобностью. В какой-то момент Чарльз засомневался в собственных мотивах и начал верить в слова своих мучителей.

Единственным развлечением для узников стали тихие разговоры охранников. Часто бездумные, глуповатые – такие ведутся для убивания времени, а не для обличения великих истин. Гест только поначалу не придавал им значения, размышляя о собственных целях и путях их достижения. Но однообразие и скука сломали его. Теперь он словно заправская домохозяйка, ожидающая выхода новой серии предсказуемого сериала, прислушивался к шепоту людей в форме.

Вчера они обсуждали видео с каким-то ангелом, строя догадки о том, кто бы это мог быть. Один из них утверждал, что это проделки ЭкзМерио, другой заявлял, что это не их стиль. Так или иначе, эта информация оказалась самой интересной для Геста за всё пребывание в камере. Любопытство проняло его душу, да так, что он чуть не озвучил свои вопросы тюремщикам. Благо вовремя прикусил язык, вспомнив, где находится, и кто эти люди. Хотя забыть подобное, было сложно и удавалось только лишившимся рассудка.

Стандартный обход перед сменой караула сегодня запаздывал. Чарльз усомнился в собственном восприятии времени, но солнце, пробивающееся через решётку, находилось на нужной отметке. Он, стараясь не шуметь, подпрыгнул и подтянулся на решетке, аккуратно заглядывая вверх.

Караульные, что-то объясняли приятно на вид мужчине, которого рассмотреть с такого расстояния Чарльзу пока не удавалось. Он соскочил с решётки, когда почувствовал на себе взгляд незнакомца. Менее чем через минуту он смог расслышать уверенные, тяжелые шаги и постарался принять безмятежный вид.

Он был уверен: пришли именно к нему. И не прогадал. Вскоре перед решёткой его камеры стояло несколько караульных и горделивого вида мужчина с суровым взглядом. Ухоженный, хорошо одетый, он позволял Чарльзу припомнить былые времена, до ЭкзМерио и Розы. Времена, когда он ещё имел титул маркиза.

Посетитель с минуту смотрел на экс-маркиза сверху вниз, оценивая оного. В какой-то момент это начало дико раздражать Чарльза. И пусть вид его напоминал побитую, голодную собаку, всё-таки они не на выставке и не в приюте.

– Чем могу быть полезен? – Чарльз не выдержал тишины.

– Сопроводите заключённого в комнату для допросов, – над-менный мужчина наконец-то отвёл взгляд от Геста и, не дожидаясь действия караульных, направился прочь.

Гест уже знал, что ему нужно делать, поэтому не дожидаясь особого приглашения, которое вряд ли можно было назвать приятным. Караульные, следуя протоколу, спустились со своего пьедестала, и, проследовав по узкому коридору, вошли в камеру. Чарльз дожидаясь их, упершись ладонями в холодную бетонную стену. Быстрый обыск и заключение запястий в наручники. Через секунду его поведут на очередной допрос.

Комната для допросов не шибко отличалась от камер, но всё равно казалась более уютной. Возможно, потому что в ней не было туалета, а, быть может, свою роль сыграло наличие стола и нескольких стульев.

Посетитель стоя дожидаясь заключённого, придирчиво разглядывая собственные ногти, только сейчас Чарльз заметил, что ноги у того коротковаты, а плечи слишком широки для такой фигуры. Гость обернулся и достаточно мягко произнес:

– Присаживайтесь, – гость как истинный аристократ делал не самые уместные паузы в своей речи. – Позвольте представиться. Моё имя Бернард Готье.

– Герцог, значит?

– Именно так, – посетитель не обратил внимания на агрессивные интонации допрашиваемого.

Герцог, манерно махнул рукой, приказывая военным удалиться из комнаты и, когда те подчинились, резко изменился в лице. Его осанка перестала быть прямой, а густые брови свелись к переносице. От надменности не осталось и следа. Мужчина стал производить впечатление жуткого человека.

Чарльз сглотнул, поражаясь столь скорой метаморфозе.

– Я уже ответил на все возможные вопросы Ваших коллег, – экс-маркиз не до конца понимал, что от него понадобилось титулованному без военного звания, но спрашивать о подобном даже не думал. Из проверенных источников, Гест знал, что Готье является хозяином коммуны, а, значит, заведует и многими государственными отраслями подотчётной области.

– Я читал протоколы твоих допросов, – даже манера речи герцога стала более свободной. – Это не ответы.

Стул неожиданно скрипнул, когда герцог присел напротив допрашиваемого.

– Почему в Сент-Этьене? Почему ты решил сдать именно в нашей неприметной коммуне? Почему не выбрал столицу? – Готье взгляды-вался в лицо Чарльза, пытаясь понять, солжёт ли тот при ответе.

– Здесь тюрьмы более комфортные, – пусть только попробует ударить.

Замах. И рука титулованного впечаталась в хлипкую столешницу.

– А не потому ли, что в нашей области не отменена смертная казнь? Не потому ли, что сюда свозят всех политических преступников и казнят при толпе знати, считай в назидание? – Готье кипел от злости.

Чарльзу становилось душно. Молчание затягивалось. Гест не мог опровергнуть его домыслов. Умение подбирать слова вряд ли можно было отнести к его сильным сторонам.

– Не думало же ваше пресловутое ЭкзМерио, что никто не догадается? – герцог удостоверился в собственной правоте и потихоньку остывал. Злиться начинал Чарльз. – Действия вашей, прости господи, организации слишком очевидны. Ноократический строй? Серьёзно? Это ваша цель?

– Люди не могут избежать получения знаний, не могут избежать изобретения новых технологий. – на этот раз Чарльз был уверен в ответе. – Несмотря на этические убеждения, всё будет идти вперёд.

– Какие благородные речи от того, кто сидит в кандалах, ты именно это решил прокричать с эшафота? – казалось, ещё немного и Готье усмехнётся, но этого не последовало. – Это ты решил сказать тем, кто держится за семейные традиции и историю?

– В глубине души все они это понимают.

– Знаешь, меня всегда поражал ваш максимализм, – Чарльз опустил голову. – Вбили себе в голову идею о чём-то нереальном и, считаете, что вас не понимают. Думаете все вокруг такие глупые и недогадливые? Да у каждого, Богом клянусь, у каждого возникали мысли о том, что всё могло быть по-другому, но ни один здравый человек не пойдёт рушить систему, которая с таким успехом работает. Пора бы вырасти и принять реальность.

– Да что ты понимаешь?! – поведение Чарльза казалось смешным даже ему самому. Всё, что говорил оппонент, являлось логичным, по-своему правильным.

– Подобные выходки – оружие нерадивых детей. Знаешь, когда я что-то запрещаю своим, они начинают психовать, дуться. Думаю, дай я им в этот момент взрывчатку, они подорвали бы меня вместе со всем домом, – герцог затих. Он уже не мог сдержать злой, надменной улыбки. – Потому что дети не думают о последствиях. Для них существуют только их желания.

– Хочешь сказать, что наши попытки наивны и по-детски глупы? – гордость Чарльза наконец-то поддала голос. – Ты поддерживаешь мо-нархию только пока она на твоей стороне. Поступок трусливого взрослого. Сидеть и не отвечать. – Заключённый приподнялся, крепясь над столом. – Что ты будешь делать, если твой обожаемый монарх проснётся в плохом настроении и решит сместить тебя с этих земель? Или обложит тебя налогами, посчитав, что ему недостаточно денег на новые игрушки или дворцы. Вы подчиняетесь ребёнку, который получил право царствовать только потому, что родился в нужной семье. Ну, и каково это, зависеть от настроения вышестоящего?

Удовлетворенный собственной тирадой, Чарльз плюхнулся на место. Теперь была его очередь наблюдать за раздраженной физиономией оппонента.

– Я не дам тебе смутить сердца молодежи. На эшафот ты взойдешь ещё ой как не скоро. Настолько не скоро, что переживёшь своих идио-тов-сообщников.

– Это мы ещё посмотрим.

– А чего тут смотреть? Или ты не знал, что как герцог этих земель я могу влиять на вынесение приговора? Как тебе пожизненное заключение в одиночной камере без права посещения?

Сердце заключённого пропустило удар. Все его переживания отразились на лице.

– Правда здорово быть на стороне реальной силы? – Готье наконец-то поднялся со стула, обогнув стол, он наклонился к уху заключённого. – А могу смягчиться и отправить тебя в монастырь на вечное покаяние. Знаешь, там так промывают мозги, что ты откажешься от всех своих убеждений и потом сам же пойдешь воевать против своих друзей. Ну, что выбираешь?

Чарльз молчал. Перед глазами всплыло доброе лицо Розы. Его любимой, обожаемой Розы. Она бы точно нашла ответ. Смогла бы отстоять собственные убеждения. Но её рядом не было.

– Чего ты хочешь?

– Сотрудничества. – Готье отошёл от заключённого, рассматривая серую, непримечательную стену. – За особые заслуги государь может вернуть тебе титул или пожаловать другой.

– Ложь!

– А я могу определить тебя под домашний арест. – он перевёл взгляд на собеседника. – Поверь, мне это практически ничего не стоит.

– Решил выслужиться перед Императором?

– Решил подохнуть в камере? – герцог вздохнул. – Даю тебе несколько дней на раздумье.

Готье постучал в дверь, и караульные вошли в помещение, собираясь отвести заключённого обратно. Тот не сопротивлялся. Вид у него был удручённый.

Глава 6

– Так называемый Ангел Правды не более, чем еретик, пытающийся высмеять концепцию нашей веры, – пожилой мужчина в чрезмерно тёплом костюме промокивал лоб измятым платочком. – Таких нужно пороть прилюдно, а не вот это всё.

– Позвольте, его выходка позволила снять подозрения с семьи Де Круэлвей, спасти целую династию от позора. Как по мне, поступок достойный, пусть и вызывающий. Или вы хотите сказать, что наша вера настолько слаба, что мы отторгнем её из-за одной ошибки? – оппонент потливого выглядел лучше, но почему-то, никак не мог устроиться на кресле, постоянно елозя. Саркастический оттенок тона, говорил о чувстве превосходства над собеседником.

– Почему этот артист не пошёл законным путем? Почему не предоставил доказательств своей догадки? Нет, это настоящий террорист, такой, как люди ЭкзМерио. Может, он и сам один из них, поэтому нельзя всё списать на шутку. Сердца молодых людей подвержены сомнениям, нам необходимо предотвратить подобное инако-мыслие! Сомневается один, усомнится и другой, не стоит этого недо-оценивать. – мужчина начинал краснеть, плевать слюной от избытка чувств, и создавать впечатление не самого адекватного человека.

– То есть, Вы не оспариваете того факта, что этот неизвестный совершил благородный поступок? Вас смущает только способ подачи? Он показался Вам неудобоваримым? Или он смог напугать Вас? Быть может, он заставил Вас усомниться в собственных убеждениях? – журналист с тяжёлым взглядом будто не замечал ярости интервьюируемого. Он касался губ подушечками пальцев, будто пытался припомнить заготовленные вопросы.

– Я считаю, что его нужно найти и судить.

– На основании чего? У нас ещё не стали сажать людей за мелкое хулиганство. Тем более никто не пострадал.

– Хочу Вам повторить, он смущает сердца молодёжи и людей слабой веры!

На этом моменте я выключил телевизор, отбрасывая пульт на ди-ванную подушку. Подобные шоу местных каналов начинали раздражать своей однообразностью. Я понимаю, они хотят выжать из случившегося все соки, но приписывать мне что-то из ряда вон выходящее, как мини-мум глупо. Этими речами они куда больше подрывают собственные убеждения, нежели мой поступок. СМИ частенько пользуются этим приемом, показывая случившееся с удобной для них стороны. Почва-то благодатная, я не могу опровергнуть ни одного их слова.

Прошло чуть меньше месяца с момента моей партизанской вылазки. Страсти по этому поводу никак не утихали. Основное недовольство выражала церковь. Точнее, мелкое сословие, находящееся в её служении. И только в нашей коммуне. Ни патриарха, ни Императора, ни кого-либо ещё, кто бы мог реально повлиять на ситуацию, сей незначительный инцидент не волновал. Я уже и сам начал ждать, когда история превратится в шутку, или о ней просто все забудут. Подозреваю, случится это не скоро.

Самой большой неожиданностью для меня стало создание сайта с мрачноватым фоном и громким названием «Голос Правды». Где люди обращались к моему воплощению с просьбами о помощи. Анонимные пользователи выкладывали туда истории самого разного характера. Мистические, трагические, некоторые из них и вовсе походили на ужасы. Но всех их объединяло одно, каждый автор был уверен в том, что от подобных мистификаций лучше избавиться и не отравлять себе жизнь. Может быть, тот мужчина был прав? Мой поступок смутил их веру? С другой стороны, не значит ли это, что всё изначально было достаточно шатко, и люди просто искали выход своим эмоциям?

Размышляя о подобном, я сразу вспоминаю счастливые лица тех людей в рабочем квартале и понимаю, что поступил необдуманно, крайне эгоистично. Я не подумал о последствиях

и мог доставить людям куда больше проблем. Если бы я мог всё сделать из тени, последствия не были бы такими громкими. До чего же стыдно.

Я каждый день проверяю обновления на том сайте, испытывая некоторую тоску. Может, многие из анонимов решили просто подыграть и выкладывать абсолютно нереальные вещи, но среди них точно есть те, кому нужна помощь. Моя помощь. А я ничего не могу сделать. И дело даже не в том, что мне хватает решимости. Джакоб, конечно, не мог мне ничего запретить, но вот помогать отказался. А без него я бы уже давно провалился, раскрыл свою личность, опозорил семью. Нужно быть довольным тем, что уже совершил, и более не рисковать. Достаточно и того, что это делает отец, работая над чем-то незаконным уже многие ночи подряд. Не думаю, что мне стоит в это лезть. Зря я тогда подслушал их диалог. Верна поговорка: меньше знаешь – лучше спишь. Но неведение убивает. Также как убивает бездействие в отношении одной истории на фанатском сайте. По описанию происходящего, я смог узнать дом наших соседей.

Семейство Люлли создавало впечатление радушных хозяев и мудрых предпринимателей. Над репутацией они постарались на славу. Ни дать ни взять: не чета нашим проколам в той или иной сфере. Ранее я никогда особо не задумывался о том, что может скрываться за этой ширмой благополучия, а за ней всегда что-то скрывается. За свой не-долгий век я ещё не встретил ни одной семьи без скелета в шкафу. Оно и понятно, нельзя существовать множество столетий и оставаться белыми пушистыми. Одно семейство Готье чего стоит, но всё равно справляется с герцогским титулом.

Не знаю, кто в доме Люлли решился раскрыть один из своих скелетов, но из многострочного сообщения я смог узнать о том, что их семью якобы преследует странное проклятие и проявляется оно раз в поколение, когда первой в семье рождается девочка. И как бы родители её не любили и не оберегали, как только наследница достигает брачного возраста, на одном из её фото появляется шляпка. Самая обычная летняя шляпка, что прикрывает голову старшей из детей. В течение месяца девушка обязательно умирает. Не пропадает, а именно умирает в результате несчастного случая. На следующую ночь шляпка с её головы пропадает. Если следующим по старшинству ребёнком оказывается девочка, то история повторяется. Проклятие прекращает свою работу только тогда, когда в наследование вступает мальчик.

Вся трагедия базируется на том, что от этого проклятия нет спасения. Впервые оно появилось тогда, когда титул и состояние семьи унаследовала одна из дочерей ещё множество поколений назад. Выйдя замуж, она сменила фамилию и стала матерью семерым детям. В этот раз по-гибли все её дочери. Так зародился их род.

Если верить этому проклятию и припомнить возраст старших детей этого поколения, скоро в семье Люлли, погибнут две старшие дочери, оставив право наследования третьему сыну.

Может, если бы я не догадался о том, кто был отправителем этого сообщения, история не так бы меня тронула. Но мои старшие братья и сёстры, будучи маленькими, часто играли с отпрысками изысканного семейства Люлли. Мама до сих пор хочет посвятить их старшенькую за Дениса. Не хочется мне в столь раннем возрасте присутствовать на похоронах тех, кто не многим старше меня. Но и сделать я ничего не могу. Это не просто раскрытие всем известной химической реакции. В деле замешено множество убийств, пусть и замаскированных под несчастный случай. И, если за столько поколений никто из взрослых так и не смог ничего сделать, то смогу ли я?

Такая задача явно не в моей компетенции. Люди на сайте явно меня переоценивают. Если проклятие действительно существует, то единственное, что я смогу сделать, – это прорепетировать скорбные речи для похорон.

Извините девочки, лучше бы вам найти настоящих защитников.

Дни возвращали свою обыденную атмосферу. Старшие сёстры во главе с матушкой всё чаще уматывали на вечерний променад, подыскивая себе женихов. Денис вернулся в церковь, лишь изредка нас навещая. Несмотря на опровержение его мистической причастности к инциденту, некоторые испытания ему приходится проходить заново. Мне кажется, ему и вовсе стоит оставить эти попытки, но кто я такой, чтобы что-то ему советовать. Я, как обычно, старался не высовываться. И только младшие поднимали настроение своим непоседливым поведением, доводя до белого каления садовника и некоторых слуг. Изменилось только поведение Джакоба – он стал чаще присматриваться к моим занятиям. Видимо, опасается того, что я снова куда-нибудь влезу. В этом плане мне не за что его винить. Наверняка он тоже пролистывает тот сайт. Ведь без него образ «Ангела Правды» не может быть полным.

Безжалостное лето немного смягчилось, сбавив накал, и я рискнул прогуляться по саду. Да и от постоянного сидения в комнате или библио-теке разве что ещё крыша не поехала. Никто не знает, но среди деревьев у меня есть одно секретное место. Старенькая, давно неремонтированная деревянная беседка. Конечно, кто-нибудь проходит её нена-роком, но для меня главное, что не задерживается. Там я могу снять накладку и никого не смущать своим уродством. Там я могу даже вздремнуть, а раскидистые деревья будут прикрывать меня от солнца.

Желая поскорее очутиться в своём сказочном мире, я прихватил книгу и покинул комнату. Было бы неплохо заглянуть на кухню и попросить одну из кухарок дать мне с собой бутылочку воды, но разговаривать совсем ни с кем не хотелось. Я желал сбежать от чувства вины за бездействие и я, чёрт возьми, это сделаю.

Прошмыгнув мимо материнских покоев, я смог облегчённо выдохнуть и не торопиться, но на следующем повороте нашего необъятного поместья практически впечатался в грудь брата носом.

– А, Денис, добрый день, не ожидал тебя сегодня встретить, – раз уж я нарушил молчание, всё-таки схожу за водой. Ни как мне не удаётся продержаться целый день.

– Привет, Салли, – брат посмотрел на книгу у меня в руках. Основы квантовой механики были для него такими же бессмысленными словами, как для меня «Аминь» или «Иже еси на небесех».

– Салазард, – не люблю это сокращение и вообще никакие не люблю.

– Салли-Салли, – Денис потрепал меня по голове. – Куда-то торопишься?

– Не совсем. С чего это ты вдруг решил сегодня к нам прийти? – как-то грубо это прозвучало, но брат не обратил внимания на мои ворчания.

– Матушка уговорила меня присмотреться к старшенькой Люлли. В конце концов, она может оказаться права, и после случившегося я не смогу посвятить себя церкви на все сто, – брат не сумел скрыть разочарование.

– Тебя ведь оправдали, в глазах церкви и общества ты чист.

– Не всё так просто, Салли. Но ты прав, я не должен испытывать вину за этот случай.

– Скажи, а нашли того, кто это всё подстроил? – вот он, действительно интересующий меня вопрос.

– Что? – Денис удивился. – А разве его кто-то искал?

Мне оставалось открыть от удивления рот. Тот, кто хотел и, я уверен, хочет навредить моей семье, всё ещё на свободе! Более того, полиция так и не стала копать глубже. Нужно сохранять спокойствие. Хотя бы перед братом. Лучше всего сменить тему.

– Значит, скоро мы погуляем на твоей свадьбе? – Отрепетированная улыбка давалась нелегко.

– Скорее всего. Да и Вева Люлли хороша собой. Я, можно сказать, счастливчик. Вот только ещё я помню, как она собирала и ела сырых улиток, говоря, что это изысканно и вкусно, так что ситуация двоякая. – из огня да в полымя. Ох, брат, вряд ли ты женишься.

Видимо, я плохо скрыл переживания, потому что брат снова потрепал меня по голове, на этот раз скорее глядя.

– Тебя что-то беспокоит? Неужто тебе нравится эта пожирательница слизи?

– Денис, скажи, если бы ты знал о том, что может случиться что-то действительно плохое, и имел малый шанс предотвратить это, ты бы начал действовать?

– Что должно случиться? – кустистые брови брата поползли к переносице. Он единственный в нашей семье имел тёмные волосы и брови, чем сильно выделялся на фотографиях.

– Я говорю гипотетически. Так ты бы стал действовать?

– Ты ничего от меня не скрываешь? Клянусь, я не проговорюсь родителям, можешь всё мне рассказать, – всё никак не унимался брат.

– Денис, просто ответь!

– Хм, – видимо он припоминал какую-то притчу из писания, – если плохому суждено случиться – оно случится, но, если по велению божьему кто-то получил возможность предотвратить это – значит Бог не хочет трагедии. И пусть пути его неисповедимы, некоторые знания приходят к нам не просто так. Церковь учит помогать страждущему. Так что, я бы рискнул. А если бы не справлялся сам, то попросил бы о помощи.

Он говорил простые на первый взгляд вещи, но я, и правда, воодушевился. Пусть я не верю в судьбу и божье провидение, но я могу представить, что они существуют, и именно я должен попробовать спасти жизнь девочек.

Как бы не заработать комплекс избранного.

– Я смог ответить на твой вопрос?

– Более чем, – на этот раз я улыбался искренне. – Так вы сегодня идёте на ужин к Люлли?

– Да. Я, матушка, возможно сёстры, отец вряд ли. У него итак много работы. Только свадебных хлопот ему не хватало.

– Скажи матушке, что на этот раз, и я пойду с вами.

Брат заливисто рассмеялся.

– Вот негодник, всё-таки решил отбить у меня невесту? Ну ничего, я тебе не проиграю, а пока иди готовься. Я предупрежу матушку о твоих намерениях.

– Это не то о чём ты подумал!

– Да-да.

Денис уже не слушал моих объяснений. Всё ещё смеясь, он скрылся за поворотом, направившись к покоям мамы.

Глава 7

Откровенный фарс и лицемерие. А собственно, что ещё я собирался увидеть? Так называемый общественный долг обязывал матушку и мад-ам Люлли с полчаса обмениваться любезностями, отбивая невидимые мячики, словно профессиональные игроки в теннис. Мне кажется, стань они врагами, ничего бы не поменялось. Хотя, наверняка, они и сейчас не очень-то близки. Вынужденная дружба среди аристократов – обыденное и даже ничем не примечательное явление.

Нам предложили пройти на веранду, дабы выпить чаю, пока слуги будут накрывать на стол. Я старался вести себя как подобает сыну семьи Де Круэлвей, но так боялся что-нибудь испортить, что предпочёл молчание светской беседе. Собственно, матушка вполне легко отдува-лась за всех собравшихся. Пустые разговоры обычно не привлекали моего внимания, но я решился на это мучение ради информации, так что был как никогда внимателен.

– Признаться, не ожидала увидеть в вашей компании и Салазарда. Поистине, приятный сюрприз, – мадам Люлли бесшумно вернула фарфоровую чашку на блюдце. По её интонациям я так и не смог разобрать, был это сарказм или искреннее радушие. Скорее первое, всё-таки я немного выбиваюсь из их представлений о сыне влиятель-ного благополучного рода. Могла бы и промолчать.

– Мы и сами безумно рады его интересу к светскому обществу. Растёт мой ненаглядный мальчик, – матушка искоса посмотрела в мою сторону, как бы намекая на то, что я должен быть куда более активным. Должен произвести хорошее впечатление, не ударить в грязь лицом. Наверное, она права: умение держаться в обществе приходит с опытом, а мне это не повредит, несмотря на выбор профессии. Или как раз именно поэтому. Вряд ли я смогу представить свои будущие разработки или открытия без необходимых связей и прочей лабуды. Репутация в нашем мире одно из самых дорогих приобретений.

– Как думаете, стоит ли познакомить его с Жизель? У них один возраст, так что могут найтись и общие интересы, – услышав слова мадам Люлли, Денис тихо усмехнулся, он единственный держался рас-кованно и ничуть не переживал о результатах встречи. Как будто не его судьба тут решается. Почему-то мне кажется, что так мадам Люлли пытается надо мной изде-ваться.

– Жизель очень мила, они будут прекрасно смотреться вместе, – матушка поддержала идею, совершенно не замечая скрытой издёвки, а у меня чуть чай изо рта не полился, пришлось скрыть неловкость кашлем. – Салазард, как на счёт пикника на следующей неделе? Ты ведь не дашь дочери нашей обожаемой соседки скучать?

– Конечно, матушка, я буду только рад составить ей компанию. – подобные слова обезкураживали, но я старался не воспринимать их всерьез. В конце концов, это просто светская беседа, а я, несмотря на уродство, остаюсь представителем аристократии. В какой-то мере мне это даже на руку: пока я не раскрою секреты этой семьи, стоит дер-жаться к ним поближе. Возможно, Жизель окажется также болтлива, как остальные леди в этом возрасте.

Широкая створка двери медленно отворилась, и на веранду вышла Вева Люлли. Вздёрнутый подбородок, горделивый взгляд, коим она обвела собравшихся. Уголки её губ презрительно дернулись, когда она дошла до Дениса, но это было настолько быстро, что даже я удивился смене её настроения. Уже здороваясь с ним, она излучала дружелюбие, а после быстро влилась в беседу глав семейств.

Пусть я и не очень хорошо разбираюсь в людях, но девушка не вы-глядит подавленной: если смерть за кем и гонится, то вовсе не за ней. Держится слишком уверенно, а на лице нет и тени переживаний. Может проклятие ещё не проявилось, или я всё-таки ошибся, и то сообще-ние было отправлено кем-то под другой фамилией?

Похоже, что я слишком пристально разглядывал будущую невесту брата, потому как тот аккуратно толкнул меня локтем. Вот ведь, теперь он точно подумает, что я в неё влюбился. Ладно, если решится поговорить со мной на эту тему, попробую изобразить раскаяние и пожелаю ему счастья. Уверен, Денису понравится подобный спектакль.

– Добрый вечер, – к нам заглянула вторая дочь – Ивонна. – Матушка, как только будете готовы, слуги подадут ужин.

Мадам Люлли, в силу возраста прищурилась и так натурально ахнула, что на это отреагировали все присутствующие. Мне показалось, что хозяйка дома вот-вот лишится чувств, но вместо этого она довольно рьяно поднялась с кресла и практически побежала к дочери, оставив остальных в лёгком недоумении.

Матушка постаралась сгладить странный инцидент и как ни в чём небывало принялась расспрашивать Веву о всякой, как мне показалось, ерунде. Денис с удовольствием поддержал тему, мне же было интереснее прислушиваться к долетающим до меня обрывкам фраз диалога мадам Люлли и Ивонны.

«Мы не могли тебя найти...»

«Мне нужно было всё это обдумать...»

«На тебе нет лица...»

«Я не хочу об этом говорить...»

Далее они скрылись с поля моего зрения, не позволяя заглянуть за завесу. Тайны семейства Люлли оставались для меня загадкой. Но теперь я куда более уверен в их наличии.

Через некоторое время нас пригласили в столовую, где скатерть огромного стола оказалась мне чересчур белой. Смотреть невозможно. Это был первый случай, когда я обрадовался наличию лишь одного глаза в своём арсенале.

Я был уверен, что на ужине будут присутствовать все члены семейства Люлли, но мы остались практически той же компанией.

– Мне так жаль, но наши мужчины сегодня отсутствуют. Муж повёз Георга и Ральфа на ежегодную охоту. Они вернутся не раньше, чем через пару-тройку дней, – распиналась мадам Люлли, вот только в её словах я не услышал раскаяния или какого-то рода извинений. Может, отсутствие мужа ей на руку? Кажется, я начинаю подозревать всех вокруг, а это неправильно.

– Это не такая большая проблема. Мужчины не знают деликатности, – матушка добродушно посмеялась, по правилам этикета, прикрывая рот рукой.

– Вы как никогда правы.

Их разговор плавно переходил к планированию свадьбы Вевы и Дениса, так что я потерял к нему интерес. Да и куда больше моё внимание привлекла Ивонна, присоединившаяся к нам, только когда слуги разнесли закуски. На этот раз практически никто не обратил на неё внимания.

Она, будто находясь в трансе, заняла место напротив меня и с пол-минуты разглядывала тарелку перед собой. Я рассматривал её фигуру, примеряя на девушку образ возможной жертвы проклятия. Вторая дочь благородного семейства изредка вздрагивала, всё сильнее вжимая голову в плечи. Страх, подавленность, отсутствие аппетита – пока всё сходится, но выносить вердикт на основании эфемерных догадок было бы неправильно. Стоит начать разговор и попробовать что-нибудь выяснить.

– Наверное, я не лучшая для Вас компания, – девушка резко подняла голову, наконец-то осознав моё присутствие. Было в ней что-то такое, из-за чего мне захотелось её защитить, уберечь от всех напастей. Тонкая шея, узкие оголенные в силу модели платья плечи, длинные тёмные волосы и мелкие черты лица в сочетании с общей бледнотой показались мне довольно милыми, в некотором смысле красивыми. На её фоне я даже могу показаться более рослым и крепким. На секунду я почувствовал странное смущение и понял, что сердце заби-

лось чуточку быстрее. Стоит взять себя в руки и успокоиться. Здесь я практически на работе и подобное непозволительно.

– Что Вы, – Ивонна за секунду стала ещё бледнее, а после на её щеках проявился румянец. Наверное, она подумала, что ведёт себя странно, так что принялась за еду, не жуя проглатывая кусочки чечевичной закуски, как бы не подавилась. – Мне кажется, что это я не смогу поддержать с Вами беседу.

– Какие глупости, – не сговариваясь, мы старались общаться тише остальных, будто не хотели привлекать внимание к своим персонам. – Уверен, мы сможем отыскать подходящие для разговора темы. Но для начала, может, расскажете мне причину своего беспокойства? Право, на Вас совсем нет лица. – Вопрос прозвучал слишком откровенно, поэтому внятного ответа я не дождусь.

– Ах, это? Не переживайте, кажется, я немного приболела. – Девушка попыталась мне улыбнуться. С первого взгляда и не скажешь о том, что ей больше двадцати. – От Ваших сестёр я слышала, Вы практически каждый вечер проводите в библиотеке. Какие книги Вам нравятся?

– Читаю я, и правда, достаточно много. – сёстры упоминали обо мне в разговоре с дочерьми Люлли? Вот так неожиданность. – Круг моих интересов обширен. Однако в основном это физика и некоторые естественные науки.

– Хотите пойти по стопам отца? – Ивонна немного оживилась.

– По крайней мере, я могу об этом мечтать, – нельзя позволять ей руководить темой, но пусть для начала расслабится. – В последнее время меня увлекла теория квантового бессмертия.

– Хотите жить вечно? – тема показалась ей забавной. Настроение этой леди менялось со скоростью вращающегося на льду фигуриста. Подобное поведение свидетельствовало в пользу стресса. Становилось всё интереснее.

– Боюсь Вас разочаровать, но это работает в непривычном для большинства смысле, – даже я не до конца понимаю сути столь сложного и неоднозначного вопроса, но с каждым днём его идея кажется мне всё привлекательнее.

– И как же оно работает?

Тарелки пустели, и распорядитель прозвенел в звонок, оповещая гостей о смене блюд. Я решил переждать и после ответить на вопрос Ивонны. Трапезничающие отложили ножи и вилки. Слуги, облаченные в чёрно-белые костюмы ровными рядами, вливались в столовую, разнося ароматные кушанья.

Чопорного вида мужчина с пухлыми щеками странно морщил лоб и шевелил усами. Его нос подрагивал. Практически в абсолютной тиши-не он широко раскрыл рот и слишком громко втянул в себя воздух, чтобы через секунду от души чихнуть над ухом мадам Люлли.

Женщина охнула от неожиданности и, дернувшись, неловким движением свалила на пол нож. Веснушчатый мальчишка, стоящий у стены, завидев это, ринулся к нанимательнице, а дальше всё как в замедленной съёмке.

Парнишка нагибается, стараясь пробежать сквозь ряд людей с подносами, и ногой цепляет чопорного мужчину. Тот шатается и, широко выпучив глаза, падает назад, сбивая остальных словно фишки домино. Денис подскочил со своего места, закрывая Веву от летящей в разные стороны еды. Мадам Люлли что есть мочи заверещала и, подбирая множество кринолиновых юбок, неуклюже поднялась со стула, тут же в них путаясь и падая. Веснушчатый так перепугался, что отшатнулся назад и тоже упал, рукой цепляя огромный стеллаж с коллекционной посудой. И тот начал крениться, грозя задавить ряд сидящих за столом.

Ничего не успев сообразить, я схватил перепуганную Ивонну за руку и что есть сил потянул на себя. Пачкая платье, она неуклюже и, скорее всего, болезненно проскользила по столу, сшибая тарелки, и очутилась в моих объятиях. Стул не выдержал нас двоих и завалился назад. Удар оказался куда более болезненным. Грохот упавшего стеллажа заглушил моё кряхтение.

Поднимающийся гомон и топот слуг заглушал всё вокруг. Всё, кроме шёпота паникующей девушки, прижи-мающейся к моей груди.

– Оно существует, оно идёт за мной.

Глава 8

Не самый тихий женский смешок раздался из глубин сада. За ним ещё один. И феерией этой ночи стал протяжный, полный сладкого томления стон. Мне пришлось закрыть окно. Судя по хлопкам, так же поступили некоторые мои братья и сёстры. Я бы мог предположить, что прохладой летней ночи нам мешают наслаждаться Денис и Вева, но тембр девичьих голосов меняется с каждым новыми сутками. В моём представлении такое поведение Дениса не вяжется с его кон-цепцией восприятия мира. Будущий священник не должен вести настолько разгульный образ жизни. Возможно, так на него повлияла подготовка к свадьбе или сам факт этого неизбежного события. Брат будто сломался, и мне становится не по себе от изменений его улыбки. Интересно, позволяет ли себе подобное Вева? Но, если честно, выяс-нить это у меня нет никакого желания.

Мадам Люлли стала частой гостьей в нашем доме, также как и матушка в их доме. Под предлогом помощи в подготовке свадьбы я смог поближе познакомиться с нашими соседями. В частности, с Ивон-ной. Однако она постоянно ходила за мадам и с каждым днём всё силь-нее походила на тень, так что какого-либо конструктивного диалога у нас свершиться не могло.

Как-то раз я застал её за курением трубки и сжиганием какой-то маленькой записки. В тот момент Ивонна не походила на аристократку. Пустой озлобленный взгляд, ни намёка на пря-мую осанку, выставлен-ная, чуть согнутая в колене, нога. Прямо-таки девчонка из рабочих кварталов. Наверное, хорошо, что она меня не заметила. До сих пор не могу стереть из головы этот образ. Уж слишком сильно он разнится с тем, что приходилось лицезреть на ужине, с кото-рого нас попросили уйти, под предлогом шока хозяев дома. Да и ужинать среди битого фар-фора и общего хаоса не было никакого желания.

И так как с Ивонной разговора не получалось, да и правдивость её слов я бы всё равно поставил под сомнение, пришлось копать с другой стороны.

Во-первых, пришлось поразмыслить над тем, почему мужская часть семейства Люлли до сих пор не вернулась с охоты, и почему мадам придумывает этому всё новые и более нелепые отговорки.

Во-вторых, почему пусть и молодой, но всё-таки слуга, которого в сердцах я зову вес-нушчатый, повёл себя настолько неаккуратно. Если его приняли на работу, значит, он закон-чил колледж по необходимой специальности, ну, или как минимум, курсы переквалификации, для того чтобы служить аристократам. Слуги, призванные поддерживать имидж своих хозяев, прикрывающие наши оплошности, никогда не повели бы себя подобным образом. Эти люди ни в коем случае не послужили бы причиной такому нелепому инциденту.

По логике вещей стоит предположить, что череда этих нелепых событий оказалась запла-нирована. Возможно, веснушчатому и щекас-тому приказали создать подобную ситуацию. Продуманная, а главное бездоказательная случайность, которую можно списать на проклятие.

Матушка и Денис были запланированными гостями на том вечере, значит и их рассадка. Свидетели. Не предусмотрели только меня, но посчитали настолько незначительной персоной, которая может сгодиться разве что на отвлекающий диалог. Может, поэтому нас изна-чально препроводили на веранду, отложив ужин на сорок с лишним минут. Не помоги я тогда, Ивонна была бы мертва. Или находилась бы при смерти. В любом случае, это должно было нанести ей существенный вред.

Спросить что-либо напрямую я не могу, да и не у кого. А проверка этой теории не тре-бовала отлагательств. В любой момент на Ивонну может совершиться новое покушение. Ну, или я абсолютно не прав, и проклятия существуют. Вдруг именно так они и работают, а я тут сию, мучаюсь, придумывая несуществующие интриги?

Есть и третий волнующий меня момент. Почему проклятие гонится за второй сестрой, в то время как первая преспокойно готовится к грандиозному бракосочетанию.

На улице всё стихло, и я снова открыл окно. Приятный ветерок ворвался в комнату, приподняв кипу бумаг на столе. Ночью я мог не беспокоиться о том, что кто-то ворвётся в мою комнату и прочтет их. А это могло доставить мне грандиозную кучу проблем.

Ключом к информации для меня была сеть. Я искал любые статьи о семействе Люлли. Официальные источники, жёлтая пресса, любые скандалы, коих оказалось не так уж и много. Поистине, образцовое семейство. Вся информация оказалась настолько разрозненной, что, даже сопоставляя некоторые статьи, я не смог понять, какие факты реальны, а какие надуманы маркетологами.

Нужно проверить всё напрямую. Пойти с самого начала. Допросить щекастого или веснушчатого. Второго, как мне кажется, разговорить реальнее.

Стало не по себе. Ночь показалась слишком холодной для этого времени года. Неприятный ком образовался поперёк горла, медленно опустился по пищеводу и обосновался в желудке, вызывая тошноту. Кажется, я ввязываюсь во что-то по-настоящему опасное. Это не те детские шуточки с ангельскими крыльями и быстрой ездой. Я пытаюсь расследовать попытку настоящего убийства, а также причины убийств девочек в прошлых поколениях. То, что я, возможно, смогу найти, может погубить древний род. Причём ещё было бы не плохо, если бы он оказался не моим.

Конечно, можно бросить всё ещё до начала раскопок. Можно испугаться и попробовать начать деяния Ангела Правды с более про-стых вещей. Ведь я уже напуган, а ещё ничего толком не сделал. Более того, всё, что меня напугало, происходит в моей голове. Что же будет, когда я свершу первый шаг?

Всегда сложно совершить первый шаг. Сложно решиться. Да и не только на первый, но и на все последующие шаги. Ибо в нашем мире ничто стоящее не даётся легко. По-моему, и не стоящее тоже. Бог за всё берёт свою плату. Жизнь собирает ежедневную жатву. Время укорачивает наши жизни. Минута. Вторая. И смысл этого только в тебе самом: твоей вере, памяти и решениях. Как ты заполнишь и запомнишь отведённые тебе минуты? Сожалением? Страхом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.